

Н. Н. Богданов

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПСИХИАТРА К СТАТЬЕ «РЕВНОСТЬ ДОСТОЕВСКИХ»

Б. Н. Тихомировым детально и с исчерпывающей полнотой рассмотрены биографические факты, свидетельствующие, что ревность действительно была отличительной чертой в роду Достоевских. В работе, рассчитанной на самого широкого читателя, в большинстве своем не обладающего специальными знаниями в области психологии и психопатологии, столь скрупулезный анализ проблемы совершенно оправдан. Однако для психиатра наличие ревности вытекает уже из одного, к тому же широко известного обстоятельства, что Федор Михайлович Достоевский и несколько его ближайших родственников страдали эпилепсией, а эпилептоидные черты характера в той или иной степени присущи практически всем известным нам представителям этого рода. В самом деле, многовековой опыт европейской психиатрии показывает, что трудно сыскать других таких ревнивцев, каковыми являются многие эпилептики. К тому же, это качество, если только можно рассматривать его как некую чистую краску, мощнейшим образом потенцируется у людей эпилептоидного склада целым рядом других, также имманентно присущих им особенностей психики. Среди них прежде всего должны быть упомянуты такие чрезвычайно выраженные, подчас переходящие всякие границы терпимого черты, как эгоцентризм, с вытекающей из него убежденностью, что оскорбленный ревнивец обладает полным правом решать судьбы других людей; психическая ранимость, заставляющая человека копить в себе все обиды (нанесенные ему невольно или часто вообще мнимые), тесно связанные с этим подозрительность и злопамятность, а также склонность к немотивированным, растущим как бы «изнутри» личности злобно-тоскливым колебаниям настроения. Свою роль играет здесь и повышенное сексуальное влечение.

Неудивительно в таком случае, что ревность, как яркая черта характера, просматривается и по боковым ветвям знаменитого рода. В отдельных случаях обнаруживаются поразительные примеры, когда начинает казаться, что судьбы многих носителей крови Достоевских пишутся как бы по одному «сценарию». В числе таковых могут быть упомянуты обстоятельства личной жизни правнука старшего брата писателя — Александра Владимировича Владиславлева (внука Марии Михайловны Достоевской), близко напоминающие описанные в работе Б. Н. Тихомирова поступки Андрея Федоровича Достоевского — его троюродного дяди. Так же как и внук писателя, обвинив жену в супружеской неверности, Владиславлев отказался от младшего ребенка в семье и много лет тиранил свою первую

жену такими агрессивными, буквально экстремистскими действиями, как например, похищение старших детей. Так же как и А. Ф. Достоевский, А. В. Владиславлев всю жизнь оставался непреклонным в своем, однажды принятом решении.¹ До какой степени может доходить здесь кипение страстей, видно хотя бы из двух писем еще одного представителя рода — Владимира Михайловича Владиславлева (внучатого племянника Ф. М. Достоевского, отца А. В. Владиславлева), написанных в феврале 1891 г. другу юности В. И. Срезневскому. Правда, речь в них идет не о супружеской ревности, а, скорее, о ревности братской. Однако степень неприязни, которую может вызвать у человека эпилептоидного склада другой мужчина и весь комплекс связанных с этим переживаний, видны здесь во всей своей обнаженности:

«13. II. 1891 г. Москва

Милый Всеволод! Обращаюсь к тебе с очень серьезным поручением, которое прошу держать в тайне. <Сестра> Оля меня недавно известила письмом, что 12 февраля состоится ее обручение — ужасайся! — с Бережновым². <...> Дело в том, что нужно бы поосновательнее узнать о здоровье и личности Бережнова. Еще будучи в гимназии и не имея о нем никакого понятия, я слышал о нем сведения самые подозрительные. Будто бы он „специалист“ по всяким непотребным домам <...>. Мне было слишком больно — даже с тобой, милый, распространяться о печальном увлечении сестры этим проходимцем. Теперь серьезная постановка дела заставляет меня обратиться к тебе со следующей просьбой: справься <...> (если можно, стороной, легонечко) о Бережнове и постарайся, главным образом, заручиться какими-нибудь компетентными свидетельствами, что он такое. <...> Сестра и брат Коля, относившийся сначала не сочувственно к Бережнову, <теперь> от него — стыдно сказать — в восторге и готовы скорее со мной прекратить <отношения>, чем с ним. Что он, плут, гуляка и грубый карьерист, каким мне он представляется, или я ошибаюсь? Мне противно одно лицо его с жутким лбом, черными фатовскими усами и глупыми тараканьими глазами. **Я боюсь, что моя антипатия, редко меня обманывающая, на этот раз напрасно меня мучит.** <...> Сестра отразила все мои атаки на ее жениха одним словом: клевета. <...> Чтобы убедить влюбленную девушку, требуется нечто слишком уж осязательное...»

«24. II. 1891 г.

Сестрам я уже написал несколько энергичных писем, которые могли быть переданы Бережнову — но от него я не имею ни слуху ни духу: точно не ему в лицо было брошено несколько оскорбительных упреков, от

¹ Сведения получены от дочерей А. В. Владиславлева от первого брака. С их согласия этот материал будет включен в «Хронику рода Достоевского», исправленное и дополненное издание которой готовится нами в настоящее время к печати.

² Бережнов Иван Павлович (1866–1919). Служил столоначальником департамента железнодорожных дел министерства финансов (см.: Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М., 1933. С. 113).

которых он раз (мне сестра писала в доказательство его доброго сердца!) в „обморок упал“! <...> Если бы я был уже не студент <...> я бы конечно приехал сам в Петербург и после <нрзб.> последних попыток убедить сестер <в своей правоте>, предложил бы Бережнову альтернативу: отдать все Олины письма и карточки, отказаться от <ее> руки — или дуэль. <...> С другой стороны, я иногда думаю: у меня своя семья, Оля со мной говорить не хочет — к чему я хлопочу так! <...> Меня возмущает только, что Бережнов, по-видимому, хочет пристроиться так, чтобы, высосав всё из Оли, приняться за Веру, а потом и за Надю, причем пройдет сразу и насчет денег и насчет „клубнички“...»³

Судя по воспоминаниям М. А. Ивановой, большим ревнивцем был и племянник Ф. М. Достоевского — Александр Петрович Карепин (сын сестры писателя Варвары Михайловны). Еще не будучи женат, он «все время мечтал об идеальной невесте, которая ему рисовалась обязательно стриженной и не старше 16 лет. Невесту эту он заранее ревновал ко всем»⁴. А когда (разумеется, в шутку!) «Достоевский заявил ему однажды, что правительство поощряет бегство жен от мужей в Петербург для обучения шитью на швейных машинках и для жен-беглянок организованы особые поезда, Карепин верил, сердился, выходил из себя и готов был чуть ли не драться за будущую невесту»⁵. Дочка внучатого племянника Ф. М. Достоевского, профессора истории Юрия Алексеевича Иванова (внука сестры писателя Веры Михайловны), Елена Юрьевна Бабушкина рассказывала автору этих строк, что, уйдя из семьи, ее отец много лет писал своей бывшей жене — ее матери — письма с упреками, в том числе и интимного характера.⁶ Разумеется, в роду Достоевских ревновали и женщины, хотя об этом нам известно гораздо меньше. Красноречивым фактом можно считать письмо Александры Михайловны Шевяковой сестре Вере (где, правда, автор пытается смягчить ревность юмором и иронией):

«25. VIII. 1881 г.

<Муж> Владимир так тебя полюбил, что уж не знаю, не начать ли мне тебя ревновать к нему: и добра-то ты, и кротка-то и необыкновенно добродетельная и сердечна, так что целый акафист готов»⁷.

Таким образом, вспышки ревности и нетерпимого отношения к близким были свойственны многим представителям яркого, но страстного и мятежного рода Достоевских. Причем, как мы видим, совершенно независимо, так сказать, от уровня интеллектуального развития! И все же поведение внука писателя выходит даже и из этих рамок. Разумеется, на то должны быть свои причины. Думается, их следы надо искать в биографии этого человека. По нашему убеждению, определенный свет проливают

³ РГАЛИ, ф.436, оп.1, ед. хр. 2634, л. 54, 56–57.

⁴ Цит. по: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 169.

⁵ Там же.

⁶ Публикуется с согласия Е. Ю. Бабушкиной.

⁷ Цит. по: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 189.

здесь цитируемые Б. Н. Тихомировым мемуары Е. Б. Польской, близко знавшей невестку писателя Екатерину Петровну Достоевскую и ее детей. Мы ведем речь об описанном мемуаристкой трагическом событии, поразившем семью Достоевских осенью 1921 г.:

«Когда Федя (старший брат А. Ф. Достоевского. — Н. Н.) умер (отроком), мать в отчаянии крикнула Андрею: „Лучше бы умер ты!“ Он этого ей никогда не мог ни простить, ни забыть, как ни любил ее, как ни подчинялся ей, властной. Сам же твердого (её) характера не имел, был не в пример ей скорее чувствителен, чем рационален. А характер формировался нелегкий, сдержанно-скрытный, застенчивый, мнительный. Ранимый. Ущербный»⁸.

Возьмем на себя смелость утверждать, что обиды такого рода, даже и у менее чувствительных натур, не могут быть ни прощены, ни забыты никогда. Каждому врачу известно, что гной, образовавшийся в человеческом организме, уже никогда не сможет сам собой рассосаться и будет упорно искать себе выхода наружу, перетекая из одной полости в другую и создавая тем самым постоянную угрозу для жизни человека. Так и пережитая некогда душевная травма постоянно напоминает о себе, толкая человека к бурному отреагированию болезненных эмоций. Увы, облегчение наступает лишь тогда, когда несчастный может видеть, что кто-то другой оказался точно в такой же ситуации! К великому сожалению, для А. Ф. Достоевского таким человеком мог стать только его сын. Видимо, внук писателя не сразу осознал предоставившуюся ему возможность выплеснуть накопившуюся боль. Больше того, он мог действовать и не вполне осознанно!

Однако, вступив на этот страшный путь, Андрей Федорович уже не мог ни свернуть с него, ни повернуть вспять. Не потому ли во всем этом деле присутствует и еще одна характерная для внука писателя черта — бросать в костер обманутого супружеского доверия и все прочие нанесенные ему обиды. Об этом свидетельствуют, к примеру, строчки черновика его письма литературоведу С. В. Белову:

«Февраль (?) 1963 г.

Вы не однократно были свидетелем отношения ко мне моих бывших учеников (самого разного времени) — от них в трудные годы моих тяжелых болезней (1954–55; 56–57; 58) я видел участие, ласку, слышал доброе слово, а от дочери? Именно в эти года на основании закона я имел право не только уменьшить, но и временно вовсе снять с меня алименты — платежи, чтобы легче было вставать на ноги. Мне как могли помогали мои воспитанники (да, да! они тратили, чтоб меня поднять, свои стипендии (!)), а дочь? Какие же у меня могут быть основания ждать искренней встречи, если же первыми словами станут слова искреннего сожаления, что ее, которой, как дочери, я никогда не сделал ничего плохого, не осенило нако-

⁸ Польская Е. Б. «Внук писателя и его мать». Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг. // Мера. 1995. № 1. С. 132.

нец сознание неправоты роли, которую ее с детства заставили играть? Всё, что способно на ложь, — для меня презренно и ненавистно — в этом корни моего ухода из семьи»⁹.

Точно так же в послевоенные годы нарастало у А. Ф. Достоевского убеждение, что ненавидевшее его воинское начальство специально посылало его на самые опасные участки фронта, обрекая на верную гибель, которой он только чудом избежал.

Важно подчеркнуть, что мы вовсе не хотим видеть героев своего разбора в одном только «черном» цвете. Парадокс жизни как раз и заключается в том, что один и тот же человек может быть совершенно разным (причем абсолютно искренне!) в различных жизненных ситуациях. Тот же Александр Владимирович Владиславлев (уже бросив семью!) стал истинной опорой для своих сводных сестер в страшные годы Гражданской войны и, по их признаниям, буквально спас их от голодной смерти, а внук писателя в последний период своей жизни без устали хлопотал за обездоленных, по его мнению, людей, обнаруживая не только энергию, но и удивительное чувство такта (см., например публикуемое в переиздании книги «Хроника рода Достоевского» письмо А. Ф. Достоевского весьма влиятельному в литературных кругах того времени писателю В. Г. Лидину по поводу судьбы вдовы писателя Сойкина).

В заключение мы не можем не удержаться еще от одной частной и уже совершенно иного характера ремарки. Хочется отметить не только высокую научную добросовестность автора публикуемой выше работы, но и широкий диапазон его научных интересов, простирающийся от специальной филологической проблематики до вопросов родословия, биографии и патографии писателя. Не будет преувеличением сказать, что работа Б. Н. Тихомирова «Ревность Достоевских» украсила бы любой патографический сборник!

⁹ РГАЛИ, ф. 212, оп. 4, ед. хр. 1, л. 4–5.